

СВОЙ ГОЛОС В ХОРЕ

Выдающийся мастер советского театра Николай Павлович Акимов справедливо сетовал на то, что работа театрального художника у нас по сути лишена критики. В самом деле, вспомните рецензии. Что придет вам на ум, кроме скороговорки и дежурных фраз, вроде «хорошо смотрится», «свежо оформил» и т. п. Декорации нередко воспринимаются как приятное, но в общем необязательное дополнение к пьесе. Достаточно, мол, того, что они не мешают актерам... Между тем, о каком постижении спектакля может идти речь, если его изобразительное решение осталось вне поля нашего зрения.

Курганскому зрителю сейчас нетрудно заметить, как выросли за последнее время мастерство и общая культура постановки в нашем театре. Спектакли стали выразительнее, ярче. И в этом несомненная заслуга главного художника театра Николая Алексеевича Ромадина.

Что характерно для творческого почерка Ромадина? На этот вопрос нелегко ответить. Ведь каждая пьеса требует особого подхода, и нет рецепта, одинаково пригодного для оформления двух спектаклей. Мы видели у художника и откровенно условные работы, и традиционные, сделанные с мхатовской добросовестностью. Но все-таки есть нечто главное в манере Ромадина, определяющее. Это лаконизм, краткость. Художник нашел чрезвычайно удачное сочетание реалистически трезвого видения мира с емкой, часто броской формой. Ромадин краток, но это не просто дань современности. Краткость органична для него, ее истоки можно найти в первых декоративных опытах художника.

Ромадин не получил академического образования. Он прошел путь, обычный для художника в маленьких городках: афиши, рекламы, броские рекламы тридцатых годов, служившие поем для самых дерзких экспериментов.

Творческий портрет

В 17 лет — ученик декоративного цеха в Полтавском театре. Обычные хлопоты подмастерья — поднести клей, растереть краску... Потом первый самостоятельно оформленный спектакль и в 18 лет — должность заведующего декоративным цехом.

Обогатился со временем арсенал приемов, утончилось видение художника, но что-то осталось в манере зрелого Ромадина от реклам-плакатов, поразивших его в юности. Вспомним сцену «В ревком» из «Натали Аргентовской». Она отмечена именно такой плакатной краткостью. Переключка красного и белого (красная скатерть, белая стена с кумачовым лозунгом на ней), как напоминание о революции, скамья и голые стены — при-

меты аскетического быта тех грозных лет.

Великолепны декорации к «Порт-Артуру», построенные на контрастах ярко-желтых тонов и глухого черного цвета. Их резкий, мрачный колорит и пандус, обрывающийся во тьму, как в пропасть, лучше всего подчеркивают трагизм ненужной войны, поражение и позор царизма.

Оформление, несущее чисто информативный характер, лишь иллюстрирует действие: вот стул, вот стол, вот класс, вот сберкасса. Творческое самолюбие Ромадина направлено на то, чтобы найти образ. Башни, решетки, бойницы в «Марии Тюдор» — это не просто аксессуары средневековой Англии. Тяжелые своды, мрачные переходы, кам-

ни — это символы настоящего мира насилия и произвола.

Но то Гюго, романтизм, история. Найти же образное решение современной пьесы гораздо труднее. Долго бьется Ромадин над «Традиционным сбором», пока, наконец, где-то на стыке режиссерских задач и своих собственных замыслов не возник у него образ будущего спектакля.

Трагический художник берется «берется» за зрителя. Это он вводит его в атмосферу спектакля. Смотрится, поднят занавес, на сцене пока ничего не произошло, герой еще молчит, а художник уже «заговорил» — светом, цветом, деталями обстановки. И от того, насколько верно и впечатляюще взята первая нота, во многом зависит успех спектакля.

Если позволить себе аналогично из области музыки, то и в сценическом произведении можно увидеть контрапункт, одновременное звучание нескольких голосов — актера, режиссера, художника. И в этом многоголосии у Ромадина свой голос — сильный и выразительный.

Присуждение в прошлом году Николаю Алексеевичу Ромадину звания заслуженного художника РСФСР — признание его заслуг в театральном искусстве. Художнику 50 лет, он в расцвете творческих сил, полон замыслов.

— Сейчас я работаю над драмой Гарсия Лорки «Дом Бернарды Альбы», — говорит художник. — Это мой 114-й послевоенный спектакль. Пора, казалось бы, прийти уверенности и опыту, но работает по-прежнему. Все сомневаешься, все ловишь себя на мысли: это ты где-то видел, это однажды сам делал. Повторять себя не хочется. Чем больше оформленных спектаклей позади, тем труднее братья за каждый новый.

Это слова взыскательного и главного — растущего художника. И потому зритель может жить в предвкушении радостных встреч: ведь самые лучшие работы Ромадина еще впереди!

В. ВЕСЕЛОВ.